

Чжоу Дафэй чувствовал себя так, словно император пожаловал ему кубок с ядом, но у самых губ выяснилось, что налит туда сладкий питьевой йогурт.

Пэй Яню то ли стало душно, то ли ещё что, но он как-то неловко покосился на Чжоу Дафэя:

— Пойду пройдуся по террасе у озера, подышу воздухом. Бери раскадровку и спускайся ко мне.

— Ладно, — кивнул Чжоу Дафэй.

Ему это показалось чистым чудачеством: он ведь и сам собирался только что пойти за раскадровкой.

Вечер раннего лета дышал мягким теплом. С озера тянуло приятной прохладой, освежающей, но не грозящей простудой.

Когда Чжоу Дафэй спустился на террасу, Пэй Янь уже вальяжно расположился в кресле. В его бокале колыхалось шампанское, ловя отблески белых потолочных светильников, отчего казалось, будто в хрустале запутался осколок луны.

— Учитель, здесь вроде бы темновато, — заметил Чжоу Дафэй.

— Ничего страшного. — Пэй Янь сделал последний глоток, отставил бокал и небрежно, двумя пальцами, потянул из рук Чжоу Дафэя листы с раскадровкой.

Чжоу Дафэй присел рядом, тайком разглядывая его профиль.

Непривычное великодушие режиссёра не принесло облегчения. Напротив, Чжоу Дафэй внутренне подобрался: если черти кротки, жди подвоха.

Пэй Янь никогда не отличался ангельским терпением, но и причин плести интриги у него вроде бы не водилось.

Или он просто опасался перегнуть палку?

— Решил сменить концепцию? — Пэй Янь быстро пролистал первые страницы и сразу всё понял. — Словно снизошло озарение.

Чжоу Дафэй промолчал.

— Да, — наконец отозвался он. Собственная работа волновала его куда больше, чем странности в поведении наставника. — Времени было в обрез, так что проработка довольно эскизная, но у

меня действительно возникла пара свежих идей насчёт этой истории. Вернее сказать... раньше у меня вообще никаких идей на её счёт не было.

— В твоём духе, — неопределённо усмехнулся Пэй Янь. — Тональность истории изменилась в один миг. С чего это вдруг ты решил переделать дешёвую подростковую драму в такое тонкое авторское кино?

— Я... — Чжоу Дафэй прямо встретил взгляд Пэй Яня. В эту секунду их безмолвное противостояние походило на очередной раунд в игре, где победитель ещё не определился.

В голову Чжоу Дафэя внезапно пришла опасная мысль: прощупать границы дозволенного. Нащупать предел терпения Пэй Яня.

— Что «ты»? — Пэй Янь отложил листы.

— Я... вчера кое-кого вспомнил. Свою бывшую девушку, — признался Чжоу Дафэй.

Пэй Янь на мгновение лишился дара речи, решив, что ему послышалось.

В ночной тишине у озера его голос прозвучал резким диссонансом:

— Кого-кого ты вспомнил?

— Бывшую, — с полнейшим хладнокровием повторил Чжоу Дафэй. — Университетскую любовь.

Лицо Пэй Яня на миг окаменело от изумления, а затем он процедил сквозь зубы:

— Только не говори, что вдохновение ты черпал в воспоминаниях о бывшей пассии.

— Не совсем так, — отозвался Чжоу Дафэй с видом человека, делящегося пустяковой историей со случайным попутчиком. — Скажем так, она всколыхнула старые воспоминания, а уж моя собственная юность сделала всё остальное. Но отрицать глупо: она была частью той поры.

Пэй Янь швырнул раскадровку обратно на стол. В груди у него закипала глухая ярость, которой он не мог дать волю.

Не устраивать же сцену из-за того, что у Чжоу Дафэя когда-то кто-то был. С его внешностью и характером оставаться девственником в студенческие годы было бы по меньшей мере странно.

Но Пэй Яня бесил сам факт: эта девица умудрилась послужить толчком к его творчеству!

— И какие же картины прошлого она в тебе всколыхнула? — Пэй Янь выдавил фальшивую улыбку.

— Да ничего особенного. Банальная подростковая драма, из тех, за которые ты в жизни бы не взялся, — Чжоу Дафэй говорил непринуждённо, но краем глаза чутко следил за реакцией собеседника. — Она была девушкой с характером. Сама за мной бегала, но спустя какое-то время решила, что мы не подходим друг другу. И преспокойно заявила, что положила глаз на моего друга.

Пэй Янь не удержался и закатил глаза.

«Какая чушь. Чёрта с два я стал бы снимать подобную муть»

— И что дальше? — сухо осведомился Пэй Янь.

— Да ничего, — пожал плечами Чжоу Дафэй. — Мы разошлись, и вскоре она сошлась с ним.

Пэй Янь на мгновение завис.

— Мне просто любопытно... ты с этим приятелем хоть дружбу прекратил?

— С какой стати? — Чжоу Дафэй посмотрел на него так, словно услышал полнейшую нелепость. — Единственное, в чём мы с бывшей сходились на все сто процентов — так это в том, что этот парень лучший человек на свете. Правда, они тоже быстро расстались. А потом мы и вовсе стали общаться втроём.

Пэй Янь прищурился и медленно кивнул:

— Понятно. И эта ваша история навела тебя на мысль, что любовный треугольник в «Лимонной прохладе» можно разрешить как-то иначе?

— Именно, — улыбнулся Чжоу Дафэй.

Реакция Пэй Яня оказалась на удивление сдержанной. Чжоу Дафэй даже не знал, радоваться этому или нет.

— И какую главную мысль ты хочешь донести? — Пэй Янь вернулся к профессиональному тону.

Чжоу Дафэй ненадолго задумался.

— Юность — это пора бурных чувств, время, когда неизбежно приходится перерастать

наивную, детскую веру в вечную привязанность. Неважно, любовь это, дружба или мимолётная симпатия. В конце концов, у каждого своя дорога, — он перевёл взгляд на зыбкую озёрную гладь. — Эмоциональные бури утихают, а вместо обид должно оставаться светлое напутствие. А не мелочная ревность, удушающая одержимость утерянным и выросшая из неё злоба. Это слишком пошло, плоско и совершенно нежизненно.

Пэй Янь выслушал его молча, после чего заметил:

— У тебя нет этой одержимости лишь потому, что тебе было плевать.

— Какая глубинная, неизгладимая связь может родиться за пару месяцев юношеской влюблённости, больше похожей на игру? — Чжоу Дафэй покачал головой с тихой усмешкой. — Чаще всего эта так называемая одержимость — просто уязвлённое эго и скопившаяся внутри злоба.

Он откинулся на спинку кресла. В этот момент они походили на двух умудрённых опытом мужчин, которые ведут неспешную беседу о днях, когда ещё не знали друг друга.

— Неужели в студенчестве у тебя не было ничего подобного?

— Нет, — хмыкнул Пэй Янь. — Я же говорил: в университете я учился, а не бил баклуши, в отличие от некоторых.

— Одно другому не мешает, — с лёгкой издёвкой парировал Чжоу Дафэй. — Моя бывшая успевала учиться сразу на четырёх направлениях, что не помешало ей сменить шесть парней. Она была чертовски умна, у неё всё спорилось.

Пэй Янь почуял неладное, но наживку заглатывать не спешил.

— Смотрю, ты о ней исключительно высокого мнения.

— Если объективно, она потрясающая, — Чжоу Дафэй скрестил руки на груди. — Ум у неё как у Эйнштейна, хватка мёртвая, а сама — чуткая и понимающая. Но главное — она невероятно рассудительна. Никогда не капризничала и не устраивала сцен на пустом месте.

Пэй Янь притих, явно уловив этот прозрачный намёк.

— Хочешь сказать, я не умею быть рассудительным? — отдельно произнёс он.

— Разве я это говорил? — Чжоу Дафэй лукаво изогнул бровь. — Ты сам сделал такой вывод.

Пэй Янь только открыл рот, чтобы осадить наглеца, но Чжоу Дафэй перебил его:

— Хотя, если подумать... ты и впрямь бываешь несносен.

Пэй Янь замер.

— Шагу ступить не даёшь, даже поговорить ни с кем нельзя, — добавил Чжоу Дафэй тише, бросив на него быстрый взгляд.

— Не забывай, что твоя свобода сейчас принадлежит мне, — Пэй Янь постучал пальцем по лежащей на столе папке. — Иначе с какой стати мне тратить на тебя время и делиться опытом?

Чжоу Дафэй ненадолго замолчал.

— И что, мне теперь вообще ни с кем не разговаривать?

На сей раз тишина повисла со стороны Пэй Яня. Этот вопрос загнал его в тупик — решения для этой дилеммы у него пока не было.

— Когда мы приедем в Чунцин, мне тоже придётся изображать немого? — негромко спросил Чжоу Дафэй через минуту.

— О чём вы сегодня судачили с Би Цзяцзя? — вместо ответа вопросом на вопрос ответил Пэй Янь.

Чжоу Дафэй горько усмехнулся:

— Да ни о чём особенном. Я знаю, что ты слышал её последнюю реплику, — он открыто посмотрел на Пэй Яня. — На самом деле я не злюсь. У неё не было злого умысла, скорее... простое недоумение. Всё-таки в моём возрасте, будучи здоровым парнем, изо дня в день... — он осёкся и поднял взгляд к небу.

У Пэй Яня внутри что-то дрогнуло. Ему показалось, что Чжоу Дафэй с трудом сглотнул не просто слова, а рвущиеся наружу слёзы. В неверном свете фонарей влажный блеск в его глазах можно было принять и за искру упрямой надежды, и за подступающую влагу.

— Я просто спросил, — уже мягче, с лёгким смущением проговорил Пэй Янь. — Не собирался я тебя отчитывать. Если будешь вести себя разумно, никто не запретит тебе нормально общаться с группой.

— Значит, и с Шэнь Цзуюм мне разговаривать можно? — уточнил Чжоу Дафэй.

Пэй Янь помрачнел.

Он слишком хорошо разбирался в людях, чтобы не заметить, какими глазами Шэнь Цзуй смотрит на Чжоу Дафэя. Там и близко не пахло праздным любопытством. В этот момент Пэй Яню безумно захотелось набрать номер Янь Минъяна и выложить ему всё как есть.

— И почему твои мысли вечно крутятся вокруг этого Шэнь Цзуй? — недовольно проворчал он.

— Мне нравятся его работы, — просто объяснил Чжоу Дафэй. — Ты же сам знаешь. Я пересмотрел все картины, которые они сняли вместе с режиссёром Ся Жусэнем. Потрясающее кино.

Пэй Янь шумно выдохнул, поддался вперёд и несильно, но ощутимо похлопал Чжоу Дафэя по щеке. Взгляд его потемнел.

— Чжоу Дафэй, скажи на милость, чем я тебе сегодня не угодил? Ты весь вечер только и делаешь, что испытываешь моё терпение.

— Вовсе нет, — Чжоу Дафэй соорудил невинную гримасу. — Мы же просто болтаем. Неужели ты настолько ревнив и мелочен?

— Представь себе, да. Я мелочен и злопамятен, для тебя это новость? — Пэй Янь даже не пытался отпираться. — Ты должен был уяснить это ещё при первой нашей встрече.

Чжоу Дафэй подпёр подбородок ладонями и заговорщически подмигнул:

— Поначалу я так и думал. Ровно так же, как считал тебя посредственным ремесленником, бесконечно далёким от подлинного искусства. Но потом...

Летний Шанхай славится капризной погодой. В ночном небе глухо рокотал гром — предвестник скорого ливня.

Пэй Янь слегка нахмурился и, опершись ладонью о край стола, подался ближе к лицу Чжоу Дафэя:

— Что же было потом?

— А потом мне показалось, что ты просто равнодушен конкретно ко мне, — с этими словами Чжоу Дафэй нежно провёл кончиком пальца по его раскрытой ладони.

Пэй Янь вздрогнул, словно от слабого разряда тока, и резко отдернул руку.

На губах Чжоу Дафэя заиграла торжествующая улыбка.

Он подхватил со стола листы раскадровки:

— Ладно, если вопросов больше нет, я пойду дорабатывать.

— Иди, — буркнул Пэй Янь.

Чжоу Дафэй поднялся и направился к дому. У самых дверей он обернулся, глядя на грозовой фронт, затянувший небосвод:

— Похоже, сейчас ливанёт.

Пэй Янь крутил в пальцах пустой бокал и ничего не ответил.

Следующие несколько дней Шанхай заливало бесконечными дождями. Пэй Янь почти не показывался на глаза, безвылазно просиживая в кабинете за какими-то делами.

Чжоу Дафэй тем временем довёл до ума раскадровку «Лимонной прохлады». Однако, когда он показал готовый вариант наставнику, тот не удостоил его детальным разбором.

Режиссёр лишь коротко бросил: «Пойдёт».

Чжоу Дафэй наконец-то облегчённо вздохнул. Скоро им предстоял отъезд в Чунцин, времени на стороннюю работу там почти не останется. К тому же он сам уже вечность не притрагивался к собственному сценарию — к той единственной истории, которую действительно мечтал снять.

— Сценарий для чунцинского блока тебе уже переслали? — прервал его мысли Пэй Янь.

— Да, — кивнул Чжоу Дафэй. — Только раскадровки там нет. Ещё не утвердили?

— Нет. Я лично распорядился не высылать её тебе, — на губах Пэй Яня заиграла загадочная усмешка. — Раз уж с «Лимонной прохладой» покончено, займись натурными сценами «Гипотермии».

— Что? Прямо сейчас? — изумился Чжоу Дафэй.

— А тебе разве не хочется узнать, насколько велик разрыв между твоим мастерством и моим?
— с лукавым прищуром спросил Пэй Янь.

Чжоу Дафэй вовсе не горел желанием рисовать раскадровку для «Гипотермии». Во-первых, сама история его не привлекала, а во-вторых, общая стилистика фильма была намертво задана павильонными съёмками в Хэндяне, и развернуться творчески там было попросту негде.

— Мне безразлично, когда именно ты будешь этим заниматься, — ровным тоном продолжил Пэй Янь. — Но перед каждой сменой у меня на столе должен лежать твой вариант раскадровки для текущей сцены.

Чжоу Дафэй ощутил себя офисным клерком, которому безжалостный босс в пятницу вечером подкинул гору срочной работы. Полнейшее, беспросветное отчаяние.

— И если... — Пэй Янь выдержал паузу, — если хотя бы одна твоя сцена покажется мне сильнее моей собственной, я внесу твоё имя в титры в качестве соавтора.

<http://bllate.org/book/19003/1961043>